

О. Б. Степанова

КОЛОКОЛЬЧИК В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Тема колокольчика в традиционной культуре народов Сибири уже рассматривалась рядом исследователей. В частности, по северосибирскому региону Н.В. Ермоловой — на материалах эвенкийского оленеводства [Ермолова 2005] и Е.А. Алексеенко — в шаманской атрибутике кетов [Алексеенко 2003].

У северных селькупов наиболее широкое применение колокольчик получил в сакральной сфере, в первую очередь как традиционный элемент костюма и «внекостюмной» атрибутики селькупских шаманов. Если обратиться к работе Е.Д. Прокофьевой «Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана» [Прокофьева 1949], можно посчитать, что колокольчики присутствуют на четырех из пяти описанных в ней шаманских парках (шаманов Тама Иры, Прокопия Тетерина, Карлушки Ира и Максима Безруких), на одном бубне (шамана Андрея Безруких) и на «косе» к шаманской железной шапке-короне (Максима Безруких) — всего 9 колокольчиков и один бубенчик. Три колокольчика нашито на парку последнего шамана из семьи селькупов Аркадьевых, которая в начале 2000-х гг. поступила в музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского в Салехарде вместе с шаманской нартой. Кроме парки в нарте хранился богатый арсенал железных изображений духов, в котором можно обнаружить еще два медных колокольчика.

Е.Д. Прокофьева выделила три «служебных» значения колокольчика на шаманских костюмах селькупов: участие в музыкальном оформлении камлания («для усиления звуковых эффектов» и придания «монотонному речитативу песни шамана должного эмоционального насыщения»), отпугивание духов с пути шамана и духов, проникших в больного человека (что приводит также к лечебному эффекту), и как сигнальное средство для призыва шаманских духов-помощников [Прокофьева 1949: 353–354, 362]. Прокофьевские описания звукового содержания камлания позволяют

добавить к этому перечню еще одну функцию — информативную: различной силы и частоты звук ударов в бубен, «бряцанье» подвесок и колокольчиков обеспечивали слушателей информацией о перипетиях шамана в потустороннем мире [Прокофьева 1949: 353–354]. Выделила эту функцию Е.А. Алексеенко на примере колокольчиков на посохе кетского шамана: звук колокольчиков, прикрепленных к перекладам посоха, как считалось, извещал зрителей камлания о преодолении шаманом ярусов верхнего мира (перекладин посоха) и обретении им все большего числа духов-помощников. По утверждению Е.А. Алексеенко, колокольчики в шаманстве кетов всегда были связаны с идеологией верхнего мира, небесной сферой Вселенной [Алексеенко 2003: 114].

Цель публикации — доказать, что у селькупов колокольчик — шаманский, и не только шаманский — представлялся духом, одушевленным предметом, обладающим, как и все шаманские и домашние духи, магическими способностями.

В статье Е.Д. Прокофьевой о костюмах селькупских шаманов содержатся сведения, что с шаманских инсигний, которые далее не предполагалось использовать (при продаже костюма этнографам; когда шаман «вырастал» из прежнего костюма и ему изготавливали новый; после смерти шамана), с них снимались изображения «старинных», самых важных духов-помощников, которые или нашивались на новый костюм этого же шамана, или «хранились в семье до появления нового шамана». С проданной Г.Н. и Е.Д. Прокофьевым парки шамана Максима Безруких (МАЭ. Колл. № 3871) «сняты наиболее ценные изображения духов-помощников, без которых он не мог обойтись в дальнейшем, потеря которых грозила ему бедой». И среди снятых духов оказались колокольчики. Е.Д. Прокофьева не увидела в этом факте сакрального смысла: «С рукавов сняты колокольцы, прикрепленные к верхним концам изображения костей. Колокольцы, вероятно, сняты по более простым мотивам: их трудно купить вновь, так как данный товар в торгующие организации не поступает» [Прокофьева 1949: 362–363].

Но если сопоставить снятие колокольчиков с отслужившего шаманского костюма и факт «вечного» хранения колокольчиков среди изображений духов в шаманской нарте Аркадьевых (см. выше),

можно считать найденным первое доказательство того, что колокольчик представлялся важным шаманским духом-помощником. Правильность этого вывода подтверждается также кетскими материалами: «В числе других предметов культа, связанных с верхней сакральной сферой, колокольчики наследовались по мужской линии и могли длительное время сохраняться в качестве семейно-родовых святынь» [Алексеев 2003: 114].

Свидетельства того, что колокольчик считался шаманским духом, неоднократно фиксировались мною во время полевой работы. От одного из информантов с верхнего Таза был записан следующий рассказ: «Шаманы вещи свои в отдельных лабазах хранят. У нас тоже шаманские вещи есть, только не надо их показывать, это грех. Я даже не знаю, где они. Говорили, но я не знаю уже. Старый умер, так и не показал. У нас вещи не в лабазе лежат, а на рогатине. В вываренную бересту, как в брезент, все хозяйство заворачивают, дерево вот так рушится, как бы тройное, чтобы держало. Так веками лежать будет, дождь не страшен. И колокольчик там у нас — рода нашего. Если с чистой душой человек подойдет, подпустит. Если с х..вой душой — нет. Один шел, колокольчик ему телогрейку порвал. Он улетает куда-то вверх, в небеса, если плохой человек пришел. А так нет, лежит на том же месте. Если лежит — люди нормальные пришли. Камлали, видно, много над этим колокольчиком». В этом рассказе колокольчик недвусмысленно выступает как шаманский дух. Его характеристика типична для духа: он видит человека насквозь и имеет магическое (острое и невидимое) оружие. «Служебный долг» этого колокольчика — охранять родовые реликвии.

В селе-фактории Кикки Акки, что расположено в верхнем течении р. Таз, есть воздушная могила на столбах. Этот способ захоронения относится у селькупов к традиционным и применяется для исключительных категорий умерших, чьей душе предначертано движение наверх, на небо — шаманов, детей до года и утопленников. По устройству захоронение представляет собой помост (*порэ/поры*) на четырех высоких столбах, на котором установлен гроб, накрытый двускатной крышей. На крыше захоронения укреплен деревянный крест, а на него повешен колокольчик диаметром около 7 см. Окрестному населению эта могила хорошо

известна. И кто бы мне о ней ни рассказывал, все одинаковыми словами вспоминают колокольчик на его крыше: «Приходишь к могиле, звонишь в колокольчик палочкой, как бы сообщаешь: мы пришли». Этот колокольчик без домысливания воспринимается духом, передающим информацию в недоступное живым людям пространство.

По материалам И.Н. Гемуева и Г.И. Пелих, колокольчик мог оживить умершего человека: «Старики рассказывают поверье о похороненном воздушным способом шамане, который очнулся, когда зазвенел колокольчик и жил после этого еще два года» [Гемуев, Пелих 1993: 305]. По верованиям селькупов, оживить умершего под силу только обладающему магическими способностями духу, и здесь этот дух — колокольчик. Причинная связь между представлением об этом свойстве колокольчика и присутствием колокольчика на воздушной могиле в Кикки Акках, думаю, не нуждается в доказательствах.

Оживляющая способность духа-колокольчика объясняет, почему колокольчик был найден в коробках с костями и черепом медведя, которые мы с коллегами обнаружили на чердаке заброшенного дома в селе-фактории Кикки Акки во время экспедиции 2012 г. Представления о медведе занимают большой сегмент в мировоззрении селькупов. Кости и череп, оставшиеся от туши убитого на охоте медведя, обязательно собираются воедино и «захораниваются» «наверх» — помещаются на чердаки, подвешиваются на высокие деревья. Делается это «в надежде на новое рождение» [Головнев 1995: 248]. То есть колокольчик находился вместе с захороненными костями медведя потому, что «задействован» в мифологическом процессе рождения/возрождения/перерождения последнего.

Колокольчики часто встречаются среди предметов-оберегов, прилагаемых к селькупским домашним духам. Например, по материалам Г.И. Пелих, «вместе с фигуркой духа *куай*, завернутого в пестрые тряпки, в сумке из оленьего меха — для охраны — лежали утиные носы, челюсти зайца, металлическое изображение ящерицы, медные бляхи, цепочка, колокольчик» [Пелих 1998: 55]. На рисунке деревянного духа *полякаль мырак/ималь мырак* (женского духа), сделанном Г.Н. Прокофьевым [АМАЭ. Прокофьев.

Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 14], видно, что на поясе духа привешены колокольчик с обломанным краем, два бубенчика — маленький и побольше (от второго сохранилась только половинка), перстень, колечки, низки бус и челюсть какого-то некрупного животного. Ящерица — *туши* — в мировоззрении селькупов является древним и очень сильным духом-предком [Прокофьева 1949: 346], так же как птичий клюв и челюсть животного [Степанова 2008: 129–138]. Колокольчик в данном применении поставлен в один ряд с древними духами-предками и, следовательно, он один из них.

Тот же набор амулетов, как правило, привешивается у селькупов на дугу детской колыбели. К младенцам колыбельного возраста селькупы относятся как к существам, не принадлежащим миру людей. Младенец, пока у него не появились зубы, по старинным верованиям селькупов, дух, существо иного мира, которого, как и домашнего божка, должны охранять другие духи — птичий клюв, звериная челюсть и колокольчик. Не исключено, что защита в данном случае имеет двойной смысл: охранять духа-младенца от злых духов и родственников младенца от самого духа-младенца.

Положение беззубого младенца можно рассмотреть и с другого ракурса: младенец-дух, еще не принадлежащий миру живых людей, не считается живым. Семантически каждый из предметов, окружающих ребенка, — колыбель, птичий клюв, звериная челюсть и колокольчик (получается, что означает духа-предка, у которого младенец — начало, переходящее границу миров) — находится «в работе», трансформируется из мертвого в живого [Степанова 2008: 129–154]. Таким образом, находит свое объяснение способность колокольчика оживлять мертвых: по-видимому, колокольчик причислен к разряду духов-предков самого глубокого мировоззренческого слоя, при непосредственном участии которых, как представляется, происходит смерть, рождение и любой переход границы земного и потустороннего мира (бытия и инобытия).

Итак, колокольчик в традиционных верованиях селькупов представлялся духом: духом-помощником, духом-охранителем, духом-информантом и древним духом-предком. К его самым широко используемым магическим способностям следует отнести защиту и отпугивание враждебных духов, подачу сигналов, передачу информации, к наиболее значительным — способность

оживлять умерших. Степень важности и сила духа-колокольчика в представлениях селькупов высокая.

Понятно, что перечисленными достоинствами колокольчик обязан большей частью своему звону, производимому им звуку (к сожалению, я не имею достаточно материала, чтобы рассмотреть селькупскую семантику металла — меди и бронзы, из которых обычно сделаны колокольчики). Звук — голос, слово, песня и имя — в традиционном мировоззрении селькупов считаются материальными и одушевленным, т.е. выступают духами. Дух-звук может быть очень действенным и сильным, ему подвластно убивать живых и воскрешать умерших (на эту тему см.: [Степанова 2008: 199–203]). В селькупском фольклоре звук часто действует отдельно от предмета или органа, его производящего. В связи с этим возникает вопрос, какой из духов на самом деле был предметом данного рассмотрения — дух-колокольчик или дух-звон. А поскольку ответ на него вызывает у меня затруднения, можно заключить, что между колокольчиком и его звоном в представлениях селькупов признается тесная связь и знак равенства между ними уместен.

Теперь что касается использования колокольчиков в селькупском оленеводстве. Поначалу мне казалось, что колокольчик для оленеводства селькупов нехарактерен: во время полевой работы я ни разу не встречала на шеях оленей колокольчиков. Но в момент подготовки статьи мой информант и компаньон по двум экспедициям А. Кулиш сообщил в письме, что я ошибаюсь. «Летом, когда оленей выпускают на вольный выпас, жожаку или важенке на шею подвешивают колокол, для того чтобы было слышно, где ходит олень». Зимой «колокольчики подвешивают запряженному оленю на шею, или широкие полосы сыромятной кожи с прикрепленными на них колокольчиками подвешивают на праздничные олени упряжки, а бывает, и на повседневные. На упряжку подвешивают не только колокольцы, но и металлические цепи и латунные подвески с разными изображениями. В некоторых семьях есть старинные родовые украшения для упряжек». Таким образом, тему использования колокольчика в селькупском оленеводстве оставляю для будущих исследований. Здесь осталось заметить, что кроме утилитарного значения колокольчик в оленеводстве наверняка

будет иметь смысл магического защитного средства, свойства которого были описаны в данной публикации.

Библиография

Алексеев Е.А. Колокольчик в шаманской атрибутике кетов // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М. 2003.

Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. 1993. No. 38 (1–3). P. 287–308.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Ермолова Н.В. Колокольчики в оленеводческой традиции эвенков // Колокольный мир. 2005. № 4 (35) <novgorod net/~valdmuz/Gaz35-2.htm>.

Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998.

Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 335–375.

Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб., 2008.

В. Г. Узунова

УХОД ИЗ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОДЕРЖИМОСТИ

Система норм нравственного поведения современного человека проходит испытание вседозволенностью. Нынешней проблемой общества являются попытки осознания степени собственной деморализации, порожденной исчезновением моральных ограничений или культурных запретов. Эта общественная потребность в оценке положения дел в сфере нравственности стала актуальной по причинам вполне прагматичным. Отсутствие критериев ответственности — обязанности отдавать отчет в своих действиях — порождает непредсказуемые разрывы в коммуникационных взаимодействиях не только в настоящем времени, но и в перспективе. Устойчивое представление множества людей, что вокруг них